

КАМИННАЯ
Юлия Сергеевна

бакалавриат, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
kaminnayajulia@mail.ru

КОРОЛЬ ГУСТАВ III И ЕГО АРМИЯ В ОЦЕНКАХ С. С. АПРАКСИНА — УЧАСТНИКА РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1788—1790 ГГ.

Научный руководитель:
Чернякова Ирина Александровна
Рецензент: И. М. Соломещ
Статья поступила: 11.05.2023;
Принята к публикации: 16.05.2023;
Опубликована: 25.06.2023

Аннотация. Изучение психологии и поведения человека в обстоятельствах военного времени непреходяще актуально. Целью статьи является выявление специфики поведения и деятельности короля Густава III и его армии в Русско-шведской войне 1788—1790 гг. на основе дневников русского аристократа Степана Апраксина.
Ключевые слова: Густав III, шведская армия, русско-шведская война, Степан Апраксин

Для цитирования: Каминная Ю. С. Король Густав III и его армия в оценках С. С. Апраксина — участника Русско-шведской войны 1788—1790 гг. // StudArctic Forum. 2023. Т. 8, № 1. С. 3—7.

В настоящее время в условиях нарастания мирового противостояния исследование поведения и деятельности человека в травмирующих обстоятельствах межгосударственного вооружённого конфликта представляется актуальным, даже если речь идёт о событиях XVIII столетия. В связи с этим целью данного исследования явилось изучение специфики деятельности шведского короля и его армии в русско-шведской войне 1788—1790 гг. по запискам Степана Степановича Апраксина. Были поставлены следующие задачи: 1) представить сведения об авторе записок — С. С. Апраксине, 2) изучить роль шведского короля Густава III в Русско-шведской войне 1788—1790 гг. по запискам С. С. Апраксина, 3) проанализировать особенности описания шведской армии и её действий в дневниковых наблюдениях участника войны с российской стороны — патриота аристократа С. С. Апраксина. Исследование опирается на методы историзма и абстрагирования для выявления особенностей восприятия человеком войны и вариантов его поведения в переломные моменты. Проблема работы состоит в анализе особенностей поведения и деятельности Густава III и его армии во время войны в оценках её участника с российской стороны. Гипотеза исследования заключается в предположении о различном отношении автора записок С. С. Апраксина к шведским войскам и к королю Швеции.

Главным источником исследования, на основе которого построен анализ работы, являются дневниковые записи С. С. Апраксина. В них описаны сражения, в которых он сам принимал участие, состояние русских и шведских войск во время военных кампаний 1788—1790 гг., а также даны оценки действиям командования и солдат с обеих сторон.

Историографической базой исследования стали работы шведских историков Ингвара Андерссона и Эрика Лённрута. В труде И. Андерссона представлен краткий анализ внутренней и внешней политики шведского короля Густава III. Монография Э. Лённрута содержит комплексные биографические сведения о короле Швеции. Он обращает внимание на переписку короля с различными политическими деятелями, в частности, с его фаворитом Густавом Морицом Армфельтом, а также даёт оценку действиям короля во время Русско-шведской войны 1788—1790 гг., детально представляя эпизоды этой войны. В частности, много внимания уделено Аньялской конфедерации, что сделало возможным наиболее объективный анализ событий. О возникновении офицерской оппозиции в местечке Аньяла пишет также современный исследователь Янис Сексте. Он раскрывает основные подробности деятельности конфедерации и анализирует её политическую программу.

Статья Марии Берловой «Театральные скитания барона Армфельта» посвящена не

только фавориту короля Армфельту, но и непосредственно деятельности Густава III. Автор убедительно анализирует театральность короля как важнейшую особенность его правления.

В качестве базовой историографической литературы по анализу записок Степана Апраксина привлечены статьи Ульяны Милютиной. В них прослежены основные боевые действия русско-шведской войны 1788—1790 гг. по дневникам русского аристократа, однако отсутствует полный анализ поведенческих нюансов в действиях шведского короля и его армии во время военных сражений.

Биографические сведения о С. С. Апраксине содержатся в «Русском биографическом словаре». Однако анализ показал, что данных об этом деятеле российской истории века явно недостаточно, в частности, отсутствует информация о его участии в Русско-шведской войне 1788—1790 гг.

Степан Степанович Апраксин — русский аристократ, живший в XVIII веке (1757—1827). В открытых источниках упоминается о его участии в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. [Русский библиографический словарь: 240—241]. Благодаря обнаруженной доцентом И. А. Черняковой в одном из архивов Санкт-Петербурга анонимной рукописи, которую далеко не сразу в ходе работы с источником в рамках магистратуры кафедры ЗИПМО ИИПСН ПетрГУ удалось атрибутировать как записки Степана Апраксина [Милютина, 2022 : 66], а также тому, что записи велись им по ходу военных действий, возникла возможность детально проследить его непосредственное участие в Русско-шведской войне 1788—1790 гг.

С самого начала ведения записей Степан Апраксин отмечал, что «всему Свету известно сколько мало имел король Шведской достаточных причин к начатию войны противу России». Однако это, — подчёркивал Апраксин, — не помешало Густаву III найти повод к военным действиям, представив шведское королевство как жертву и описав приготовления русского флота как акт, направленный не на турок, а на шведов. Оценивая поведение шведского короля в данной ситуации, автор записок стремился представить самонадеянность короля» [Апраксин: 1].

Степан Апраксин также отмечал, что Густаву III было свойственно стремление скрывать истинное предназначение своих действий. Так, собственные реваншистские приготовления флота к нападению на Россию для возвращения ранее принадлежавших Швеции территорий он скрыл, как отмечал Апраксин, под «коварным предлогом» подготовки русского флота к ведению войны со шведами» [Апраксин: 6].

Особое внимание автор записок уделил подготовке провокации на границе с Россией: «будто в то самое время несколько драгун корельских, будучи переодеты казаками, бросились опустошать собственную свою землю около Пулмала-Зунд» [Апраксин: 8]. В манускрипте отмечается абсурдность этой ситуации и нелепость постановки, которая была задумана и осуществлена по воле короля. Подтверждение провокационности действий Густава III, отмеченной Апраксиным, находим у шведского историка Э. Лённрута, который приводит цитату из записки Густава III, адресованной им своему фавориту Густаву Морицу Армфельту: «Теперь время попытаться начать войну: N.B. — так, чтобы русские затеяли на границе ссору» [Лённрут: 80].

Не была тайной для Апраксина приверженность шведского короля всякого рода приметам: «не успев ещё приготовить всего к точности, как он желал, непременно о[д]нако хотел начать военныя действия в такой день, которой назначало ему суеверие» [Апраксин: 8]. В качестве даты было выбрано 23 июня, потому что в этот день 158 лет назад один из самых знаменитых предшественников Густава III на троне Швеции — Густав II Адольф — отправился на Тридцатилетнюю войну, в которой шведы одерживали триумфальные победы. Невозможно не согласиться с автором записок в том, что приурочивание собственных действий к значимым в прошлом датам свидетельствует о стремлении короля полагаться на символические смыслы и уповать на довлеющее значение одному ему ведомых аналогий. Отметим, что данное наблюдение отражено и в шведской историографии [Лённрут: 81].

С явным неодобрением относился Апраксин к некоторым решениям Густава III относительно комплектования шведской армии. Не без сарказма отмечено, что «король

захотел иметь козаков, которые ... сходствовали только тем с нашими, что держали в руках пики, коими не умели владеть. И, — подытоживает автор записок, — сим доказал совершенно, что обезьянная переимчивость редко бывает полезна, но более смешна» [Апраксин: 18]. Будучи сам военным человеком, он искренне недоумевал, почему король пошёл по пути подражательства, а не использовал имевшиеся в его распоряжении весьма эффективные егерские войска «сриклеберов» [Милютина, 2022: 63].

Нередко Апраксин фиксировал внимание на непродуманности и нелогичности действий шведского короля. Так, расположившись недалеко от Фридрихсгамской крепости, король велел построить батареи к северо-западу от неё, «что и доказывает, что он не знал ни дистанцию, ни местоположение, ибо от тех мест он не мог вредить городу, а того менее укреплениям» [Апраксин: 18]. Безусловно, подобные распоряжения Густава III с точки зрения автора записок представляли его как неумелого командующего, неопытного тактика и стратега.

Одной из главных черт личности шведского короля являлось его «ухищренное» красноречие. Именно с помощью этого дара он смог убедить народ и армию в правильности своих действий [Милютина, 2019: 66]. Однако даже это не избавило шведские войска от возмущения и волнений, которые Густав стремился «утешать» и «уверять» речами. При этом Апраксин не сомневался, что «он [король] настоящим действием оных бы утешил» [Апраксин: 3].

Во время неудач в военных действиях и диверсии датчан против шведов, Густав III «искусной ловить все случаи, чтоб оправдать свое поведение не упустил сего» и решил отправиться в Швецию для пополнения армии. «Приехав в столицу свою хитростями и красноречием умел всю нацию противу поставить неповинующемуся своему воинству, почему он несколько оправдал[ся] пред глазами своего народа» [Апраксин: 3]. Обращение к народу было ярким и эффектным, король увещевал и хвалил народ, раздавал привилегии. Он выступил перед крестьянами и рудокопами Далекарлии на скале в Мура, стоя на которой, как гласит легенда, некогда Густав Ваза — ещё один его великий предшественник на троне Швеции, правивший в 1523—1560 гг., — выступал с речью [Сексте: 108].

Создавая образ Густава III, Апраксин не упустил из виду особенности государственных порядков в Швеции, продемонстрировав собственную осведомлённость во внутренних делах соседнего государства. Так, он отмечал, что король по законам Швеции не мог отлучаться из страны, не оставляя наместника, равно как не мог вести наступательную войну без согласия сословий. Подтверждение верности наблюдений русского аристократа-современника находим в шведской историографии [Андерссон: 293]. Апраксин писал, что Густав III, тем не менее, «думал, что он сам уже не обязывался уведомлять нацию о предметах своего путешествия» [Апраксин: 7]. Данная констатация свидетельствует о том, что в глазах автора записок шведский король был несомненным нарушителем законов того самого государства, которым он был призван управлять. Тем самым автор записок возлагает ответственность на Густава III за все внутренние и внешние проблемы королевства Швеции.

Немаловажной чертой характера, свойственной Густаву III, являлась его театральность. Повествуя о заключении мира, Апраксин не преминул отметить, что «король, имевши ум несколько странный, велел соорудить посреди передовых постов алтарь дружбы, окружённый прекрасным храмом, украшенный листьями дубовыми и лавровыми» [Апраксин: 128]. Согласно описанию очевидца и непосредственного участника, действия Густава III действительно не могли не выглядеть искусственно-вычурными и вряд ли могли восприниматься как сколько-то уместные в затруднённых переговорах и в сложившихся обстоятельствах войны, когда отряды обеих сторон стояли на боевых позициях друг против друга. Однако всё же стоит отметить, что театральность была присуща любым действиям шведского короля и многие исследователи отмечали, что «вся Швеция стала театральными подмостками короля» [Берлова: 309]. Актёрские навыки Густава III, таким образом, находили воплощение не только в сфере культуры, что подчёркивают шведские исследователи [Лённрут: 45], но и на политической сцене. Он, очевидно, не смущался выстраиванием

событий межгосударственного значения так, словно это был спектакль в его собственной режиссуре.

Важное место в записках Степана Апраксина отведено оценкам и характеристикам шведской армии. Неоднократно отмечено, что «шведы со времен пред сим оконченной войны никогда не помышляли о наступательных противу России действиях, а токмо о обороне» [Апраксин: 4] и что «странно было видеть посреди мира столь повелительные действия на водах, кои не принадлежали шведам» [Апраксин: 7]. Подобные констатации в исследуемом источнике свидетельствуют о том, что автор записок не был склонен обвинять шведские военные круги в развязывании войны, полагая, что вся вина целиком ложилась на Густава III. Шведские войска стали лишь исполнителями «коварных» замыслов короля [Апраксин: 5].

При описании шведского флота автор записок ещё более определённым образом высказался о неготовности Швеции к войне. Так, по его авторитетному мнению, в Карлскроне положение «их кораблей было очень в худом состоянии, и экипажи убавлены очень болезнями», в частности тифом [Апраксин: 14]. Также и то, что в ходе сражений и стычек шведы теряли много людей, пушек и другого снаряжения, объяснялось с точки зрения Апраксина тактическими и стратегическими ошибками шведского командования. Например, неудачный выбор расположения войск в битве при Пумаласунде стоил шведам поражения, их потери составили: «16 пушек артиллерии, аммуниция, магазейны, несколько кораблей и верьфь, что всию пригодилося потом нашим вооружениям» [Апраксин: 25]. Действия шведских командиров выглядели необъяснимо неразумными в глазах Апраксина, потому что шведы имели хорошие топографические карты финляндских земель и вполне могли бы не допускать ошибок в выборе мест для сражений и расположений войска.

Узнаем из записок и о том, что в шведских войсковых частях случались волнения. По мнению Апраксина, это свидетельствовало, что не все поддерживали проводимую Густавом III внешнеполитическую линию. Особенно оппозиционные настроения проявились в финляндской части шведской армии. В местечке Аньяла офицеры-финны образовали конфедерацию. Апраксин засвидетельствовал, что конфедерация имела законную форму и её лидеры высказали королю в составленной ими политической программе своё воззрение на то, чтобы «не воевать против России». Как показало обращение к шведской историографии, автор записок был совершенно прав [Андерсен: 10]. В изучаемых записках образованию конфедерации уделено немалое внимание, хотя, как отмечено в шведской историографии, она была малочисленной и не могла повлиять на изменение политической ситуации [Лённрут: 104]. Полагаясь на мнение авторитетного шведского исследователя, следовало бы сделать вывод, что, по всей видимости, масштаб волнений в армии автором источника преувеличен. Тем не менее, подчеркнём, что программа Аньяльской конфедерации была адресована не только финляндцам, но и офицерам-шведам.

Впрочем, сам автор записок отметил, что несмотря на наличие несогласий в армии, всё же шведы выступали на стороне короля, так как отступление от воинских обязательств считалось «сквернейшим клятвопреступлением» [Андерсен: 10]. В данном заключении нельзя не увидеть свидетельство современника о безусловной общепризнанности понимания воинской чести и непреложности подчинения командованию. Даже несмотря на то, что речь шла о шведской армии — армии противника — абсолютное подчинение не расценивалось автором записок как нечто неправильное, скорее в его глазах это было единственно возможным вариантом поведения. Кроме того, автор манускрипта, свидетельствуя о плохом состоянии шведских вспомогательных сил, акцентировал, тем не менее, что «ничто не было сравненно с живостию, при сем случае в них бывшей, и во всех верфях при работах сказываемой». Апраксин не сомневался, что армия противника стойко и героически держалась при наличии значительных затруднений [Андерсен: 14].

Важно отметить, что в ходе повествования при выстраивании характеристик шведской армии и её командования, Степан Апраксин постоянно готов «встать» на позицию противника для того, чтобы понять его действия. Выстраивая альтернативы, он объяснял неразумные решения шведов, нередко представляя собственные рассуждения как следовало бы им

поступить. Например, явное недоумение сквозит в его вопросе по поводу очередного неверного выбора действий Густавом III: «для чего король Шведской, который должен был и мог весьма легко войти в Фридризгам, а токмо маскировать Нейшлот, сего не сделал, и на границе остановился?» [Андерсен: 3].

Подводя итог, отметим, что автор записок стремился дать всеобъемлющую характеристику как шведского короля, так и шведской армии в ходе русско-шведской войны 1788—1790 гг. Совершенно очевидна готовность С. С. Апраксина к продуманности и взвешенности в оценках противника. Однако, если к действиям шведской армии автор старался относиться с пониманием, то действия её предводителя — короля Густава III — он считал нелогичными, неразумными, а черты его характера, на которых явственно сделан акцент, представлены в очевидно негативном ключе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[Апраксин С. С.] Записки о Русско-шведской кампании 1788—1790 гг. // Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. Д. 333. 132 л.

Андерссон И. История Швеции / пер. Н. А. Каринцева ; под ред. Я. Я. Зутиса. Москва : Изд-во иностр. лит., 1951. 408 с.

Берлова М. С. Театральные скитания барона Армфельта // Вопросы театра. 2010. № 1-2. С. 308—327.

Лённрут Э. Великая роль Король Густав III, играющий самого себя. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. 432 с.

Милютина У. А. Вновь открытые записки участника русско-шведской войны 1788—1790 гг. (задачи и перспективы изучения) // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. Вып. 5. Санкт-Петербург; Москва : Изд-во «Старая Басманная», 2022. С. 60—67.

Милютина У. А. Русско-шведская война 1788—1790 гг. в оценках участника событий // CARELiCA: Научный электронный журнал. 2019. № 2 (22). С. 63—70.

Русский биографический словарь / Апраксин Степан Степанович / под ред. А. А. Половцева. Санкт-Петербург : Типография главного управления уделов, 1900. Том 2. С. 240—241. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-2/343>

Сексте Я. А. Аньяльская конференция 1788 г.: страницы истории русско-шведской войны 1788—1790 гг. // Клио. — 2014. № 6 (90). С. 107—110.

Original article

Julia S. KAMINNAYA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
kaminnayajulia@mail.ru

KING GUSTAV III AND HIS ARMY AS ASSESSED BY S. S. APRAKSIN, PARTICIPANT OF THE RUSSIAN-SWEDISH WAR OF 1788—1790

Scientific adviser:

Irina A. Chernyakova

Reviewer: I. Solomeshch

Paper submitted on: 05/11/2023;

Accepted on: 05/16/2023;

Published on: 06/25/2023

Abstract. The study of human psychology and behavior under wartime circumstances is of enduring relevance. The aim of the article is to reveal specificity of behavior and activity of King Gustav III and his army in the Russian-Swedish war of 1788-1790 on the basis of diaries of Russian aristocrat S Apraksin.

Keywords: Gustav III, Swedish Army, Russo-Swedish War, Stepan Apraksin

For citation: Kaminnaya J. S. King Gustav III and his army as assessed by S. S. Apraksin, participant of the Russian-Swedish war of 1788—1790. *StudArctic Forum*. 2022; 8(2): 3—7.